

Новикова Клара

22/11/88

— **ВОДИТЕЛЬ!** Остановите! Ужасно опаздываю. Спасибо... Вот так каждый день — верчусь, как белка в колесе. Сейчас бегу в ГИТИС, на семинар по режиссуре, потом на репетицию, затем на концерт. Там на сцене буду бабочкой: за пять минут должна родиться, вырасти, оставить потомство и умереть! Не беспокойтесь, я сумею это сделать, потому что знаю, чего хочу. А вот Машка (это моя дочка, ей десять лет) пока даже не знает, кем ей быть. Она мне говорит: «Мама, я ни за что не стану, как ты — сатиричкой. Мама, — говорит она, — как тебе не стыдно выходить на сцену, ведь над тобой же все смеются». Тут я сама виновата: надо бы заняться девочкой, но совершенно нет времени. Честно говоря, я ее уже три дня не видела. Хорошо, хоть мама приехала, за внучкой присмотрит. Знаете, о чем я мечтаю? Как-нибудь остаться дома на весь день, сварить вкусный обед и посидеть за столом всей семьей...

Я не уверен, что когда-нибудь этот монолог прозвучит со сцены. Однако, ручаюсь, что некоторые подробности из будней актрисы я высветил достаточно правдоподобно. А теперь расскажу о том, как Клара дошла до такой жизни. Знаете, что ей говорил папа, когда она еще жила в Киеве? Папа ей говорил: «Клара, я хочу видеть тебя в белом халате». То бишь врачом. А она, видите ли, мечтала стать артисткой.

Ах, мечты, мечты... Всю жизнь они будут тревожить Клару. Когда она кончала школу, всеми ее помыслами владел театр. Однако напрасно Клара стучалась в двери театральных училищ Киева, Москвы, Ленинграда: все творческие комиссии, казалось, устроили противное заговор. Все!

Беседы в антракте

«Я соткана из протестов...»

Кроме одной... В студии эстрадного искусства, которая в тот же год открылась в Киеве, разгадали в девушке с мечтательными карими глазами незаурядный сатирический дар.

...Я увидел Клару Новикову в 1974 году на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, на том самом, где звание лауреата оспаривал Геннадий Хазанов — артист, ставший еще до конкурса кумиром публики. Никому даже в голову не приходило, что кто-то может составить ему конкуренцию. Но конкурент нашелся. На сцену вышла тоненькая девушка с острыми локотками и мальчишеской стрижкой. Блаженно зажмурилась и начала: «Пляж Рио-де-Жанейро. Неаполитанский залив. Я лежу на спине лицом к горячему итальянскому солнцу. И вдруг... Стремительная тень падает на меня. Я подымаю свои карие, с волокой, глаза: «Марчелло!»

В этом смешном и грустном монологе юной кассирши из продуктового магазина звучало столько жизни, столько искренности, столько — пусть нелепой, но неистребимой женской мечты о чуде, что требовательнейший зал выдохнул «браво». Зал аплодировал новой эстрадной звезде. А с Кларой, как она потом признавалась, случился шок.

«Ах, мечты, мечты». Эту афишу, которая теперь оповещает зрителей о выступлениях Клары Новиковой, я

встречал в разных городах страны. Встретив, шел на концерты, с любопытством всматриваясь в мир ее героинь, где удивительным образом переплетались фантазия и реальность, радости и огорчения, будни и праздники женской души.

Однажды я спросил Клару:

— Кто подсказал вам этот сценический образ?

— Я сама, — ответила она. — Таково, если хотите, и мое ощущение мира — сложного, противоречивого, ставящего перед женщиной массу проблем. Наверное, это и вызывает такой живой отклик. Я люблю, когда в зрительном зале много женщин — они меня хорошо понимают. Господи боже мой, да ведь мы, женщины, все такие! В нас живет вечная неудовлетворенность, а потому все мы плывем в одной лодке — в лодке мечты.

— Чем же вы-то не удовлетворены? — удивился я.

— О, причин сколько угодно, — засмеялась Клара.

— Может, откроете самую главную?

— Ладно, только никому не говорите. Порой так тянет на серьезную драму. По секрету: однажды я целые сутки играла толстовскую Кити.

И Клара рассказала историю, которая под стать ее гротесковым монологам. Как-то позвонил муж Юра и сообщил, что режиссер Петр Фоменко собирается снимать на телевидении «Анну Ка-

ренину». И, если Клара хочет сыграть Кити, пусть завтра придет в Сокольники — Фоменко будет репетировать знаменитую сцену на катке. Клара никогда в жизни не стояла на коньках. Но, потрясенная сообщением, начисто забыла об этом. Всю ночь она готовилась к «выходу». Новое шикарное пальто — гордость московских модельеров, не колеблясь, перекроила в старинный жакет, смастерила изящную шляпку с вуалеткой, перечитала «Анну Каренину»...

— А дальше что было?

— А вот что, — грустно сказала Клара. — Вышла я на лед в костюме XIX века и — сразу упала на четвереньки. Минут пять елозила по льду, а вокруг меня такой хохот, что я забыла и про Кити и про репетицию...

— Простите, но где же был режиссер?

— Здесь же, в так называемой «массовке». Поднял меня на ноги, но, между прочим, хохотал вместе со всеми. И тут я, дурочка, поняла, что вся эта история с Кити было просто уловкой, чтобы вытащить меня на каток: муж очень хотел, чтобы я научилась кататься.

Спустя несколько лет я все же увидел Клару на экране. Правда, играла она, как всегда, саму себя, но на этот раз у нее были партнеры — прыгучие, пятнистые и свирепые красавцы-гепарды. То была передача «Утренней почты», взявшая старт в Московском зоопарке. Гепарды ходили вокруг актрисы, прижимаясь к земле, словно для

прыжка, а Клара, на шее у которой извивался огромный полоз, вела с ними своеобразный диалог.

— Неужели не было страшно? — поинтересовался я.

— Еще как было, — призналась Клара. — Честно говоря, дрожала, как осиновый лист.

— Зачем же согласились войти в вольтер?

— Режиссер сказал: «Клара, искусство требует жертв!». Я и вошла. Как во сне слышу голос оператора: «Ближе, Клара, ближе». Служители — один с пистолетом, другой с брандспойтом — подбадривают: «Не бойтесь, мы их хорошо покормили».

После этой передачи встревоженный папа прислал Кларе письмо: «Опомнись, Клара! Еще не поздно переменить профессию».

— Может, все-таки послушаетесь папу? — пошутил я.

— И стану плохим врачом. Нет уж, лучше по три раза в день заходить в клетку к хищникам.

Она слегка задумалась.

— Кто-то однажды спросил, какой у меня характер. В ответ я прочитала Павла Когана: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал...». Я вся соткана из протестов. Видимо, отсюда и мои женщины: кто бы они ни были, все они, как и я — протестуют против серости жизни, неустойчивости, неудавшейся судьбы.

Л. ЛЕРНЕР.

Фото А. Пастиева.

22 ИЮНЬ 1988

Советская эстрада
Г. ТАЛИН